

ТРИ ЭТАПА СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Ф.Р. ФИЛАТОВ*

Статья посвящена обсуждению вопроса о периодизации развития теоретического психоанализа. В этом историческом процессе выделяются три этапа – «три эпохи психоанализа», рассматриваются непосредственно инициированные психоанализом или вызванные постепенной экспансией психоаналитических идей преобразования, произошедшие в различных сферах научного мировоззрения (дискурса), обыденного сознания, социальной практики. Также обсуждаются общие тенденции и перспективы развития теоретического психоанализа на нынешнем, постмодернистском, этапе.

В 2006 г. научные сообщества разных стран отметили – с разной степенью включенности и энтузиазма – 150-летний юбилей патриарха психоанализа З. Фрейда. Не так давно отмечались и другие знаменательные даты, связанные с зарождением психоаналитической доктрины и глубокой психологии как таковой. Позади столетие психоанализа, и в историческом отношении это достаточно продолжительный период, чтобы, исходя из новых исследовательских позиций, артикулировать вопрос о периодизации развития психоаналитической теории в контексте глобальных преобразований гуманитарного знания, социальных практик и культурной жизни в целом. Этот вопрос имплицитно содержит в себе (и в результате анализа распадается на) ряд тесно взаимосвязанных вопросов. Из каких теоретических и социокультурных предпосылок возник психоанализ? Можно ли говорить о психоанализе XIX века как о законченном про-

---

* *Филатов Филипп Робертович* – кандидат психологических наук, доцент факультета психологии Южного федерального университета, президент Ростовской психоаналитической ассоциации (РПА).

екте, пронизанном духом Просвещения и завершающем новоевропейскую картину человека, его природы и судьбы? Что позволяет, вместе с тем, говорить о психоанализе XX в. как об одной из крупнейших научных революций? Какие важнейшие инновации в гуманитарной науке, психотерапевтической профессии, культуре и обыденном сознании связаны с развитием и экспансией психоанализа? Каковы специфические особенности психоаналитического дискурса и неизбежные ограничения связанной с ним «языковой игры»? Наконец, каким закономерным трансформациям подвергается психоанализ в постмодернистскую эпоху, современниками которой мы являемся?

Проблема периодизации развития психоанализа неоднократно и широко обсуждалась в историографической литературе. Выделялись основные вехи и поворотные пункты в становлении психоаналитической доктрины. В их числе: отказ от идеи травматического происхождения неврозов – в теории, и от гипноза – в клинической практике; публикация «Толкования сновидений» (1900) и разработка метода свободных ассоциаций; появление работ о переносе и формулировка принципов дидактического анализа; ревизия теории первичных влечений (1920) и введение структурной модели ментального аппарата (1923) и т.д. Предлагалось подразделение различных, последовательно сменявших друг друга, вариантов классического учения на «фрейдизм», «неофрейдизм», «постфрейдизм»; прослеживалась траектория институционализации и международной экспансии психоанализа (создание Венского кружка, сотрудничество с Юнгом и швейцарской когортой психиатров, эпохальное путешествие в Новый Свет...).

Следует отметить, что в большинстве случаев формирование психоанализа как самостоятельной школы психологической мысли рассматривалось в контексте его внутренней истории – в свете значимых преобразований категориального аппарата и методического инструментария или судьбоносных моментов консолидации и раскола в рядах психоаналитиков.

Однако представляется не менее продуктивной периодизация психоанализа в аспекте его внешней истории, т.е. в контексте глобальных общегуманитарных трансформаций, которым подверглись в XX столетии (в век кризиса западного рационализма и антропоцентризма) дискурсивные практики философии, психологии и психотерапии. Такая периодизация позволит осветить роль психоаналитического проекта в историческом процессе преобразования гуманитарного знания и складывающихся на его основе социальных практик.

Выходя за рамки внутренней истории психоанализа и рассматривая его становление в более широком, общегуманитарном контексте, мы обна-

руживаем весьма примечательный исторический парадокс. Он заключается в том, что, отметив в прошлом году 150-летие со дня рождения З.Фрейда, мы можем вместе с тем констатировать наступление уже *«третьего века» психоанализа*. Это, конечно, плохо увязывается с традиционной хронологией, но, тем не менее, вполне объясняется интенсивной культурной динамикой современного мира, в котором историческое время не совпадает с календарным. При таком взгляде разграничиваются (с некоторой долей условности, конечно) три психоаналитические эпохи: • психоанализ XIX века, созданный под прямым или косвенным влиянием идей великих умов того времени – Гербарта, Шопенгауэра, Гартмана, Ницше, ставший, по сути, логическим завершением этого исторического периода и открывший врата выдающимся свершениям и научным революциям XX в.; • «революционная эпоха» психоанализа, охватывающая временной интервал от 1900 г. (когда было опубликовано «Толкование сновидений») до середины прошлого столетия; и • современная, точнее, «постсовременная», постмодернистская эпоха, когда сам психоанализ, ставший источником столь многих инноваций, нуждается в обновлении и новой внутренней трансформации.

Заявляя, что в истории науки имеет место психоанализ XIX века, – хотя фактически З.Фрейд как психоаналитик творил в этом столетии всего одно десятилетие, – мы тем самым утверждаем, что *первая версия* психоаналитического учения, куда можно отнести «исследования истерии» и катартический метод Брейера-Фрейда, были подготовлены предшествующим интеллектуальным и социальным развитием, стали венцом более длительного и сложного социокультурного процесса. Причем «латентный» или инкубационный период формирования глубинной психологии начался еще до рождения Фрейда. «Малые перцепции» Лейбница, противопоставление иррациональной воли и представления у Шопенгауэра, дихотомия «наслаждение-и-долг» в трудах Кьеркегора, наконец, ницшеанство – все эти концепты и идейные веянья, явно или косвенно, послужили теоретическими предпосылками психологии бессознательного. Приход Фрейда был подготовлен и в области социальной практики. Причем, не только в клинике, где, благодаря усилиям наблюдательных и проницательных знатоков человеческого неблагополучия, все более отчетливо проявлялся облик «неразумия» и фиксировались особые типы соответствующей ему душевной организации, но и в более широком культурном контексте: месмеризм и спиритизм открыли перед бессознательным двери салонов весьма уважаемых европейских домов. Сверх того, неоценимую услугу психоанализу, как отмечал сам Фрейд, оказали искусство и литература, отдавшие в XIX в.

дань должного внимания сфере иррационального и необъяснимого в человеке.

Итак, «призрак», долго бродивший по Европе, обрел в первой версии психоанализа плоть, а многочисленные идеи и воззрения, которые принято относить к иррационализму, получили концептуальное оформление и научное обоснование. Ранний психоаналитический проект был буквально пронизан духом Просвещения и романтизма. Этот дух обнаруживается в самой интенции научной мысли, в стремлении вырваться за границы «ложного» сознания, познать то, что противится познанию, и понять нечто, ускользающее от понимания. Им пронизано убеждение, что каждому человеку необходимо вспомнить забытое, открыть, пусть неприятную, но «правду» о себе. Этим же духом движимо и смелое намерение показать человеку его «темную» сущность и, в конечном счете, научиться управлять теми силами и процессами, которые изначально неподконтрольны сознательному Я, то есть подчинить себе / приручить собственную психическую природу. Тот же просвещенческий пафос очевиден и в подчеркивании «освободительной» культурной роли психоанализа, в постановке благородной задачи «освобождения» человечества от многовековых заблуждений, предрассудков и слепого страдания.

Видимо, наследие XIX в. сохраняется в психоанализе, имплицитно содержится в нем, и на современном этапе развития глубинной психологии оно по-прежнему обнаруживает себя, по крайней мере, в той ортодоксальной версии фрейдистского учения, которое служит концептуальным ядром, парадигмальным базисом и своеобразным эталоном для более поздних модификаций.

Однако, заслуживает удивления то обстоятельство (а, с другой точки зрения, оно вполне закономерно), что, положив в основу своей теории новоевропейскую просвещенческую традицию, Фрейд тут же начинает подрывать и расшатывать ее. Классическая психология, эта наследница картезианского рационализма, получает от психоанализа самый чувствительный, можно сказать, сокрушительный удар. Именно это обстоятельство позволяет назвать *вторую* эпоху психоанализа *«революционной»*. Период приблизительно с 1900 г. вплоть до середины XX века был ознаменован не только рождением и стремительным развитием в Европе и за ее пределами новой социальной практики, но и «коперниковским поворотом» в западном мышлении, явившимся, как подчеркивал Ж.Лакан, непосредственным следствием фрейдовских открытий (Лакан, 1997).

Попытаемся в самых общих чертах охарактеризовать развитие психоанализа в этот период, обозначив то влияние, которое он оказал на различные дискурсивные практики и сферы культурной жизни.

Уже к началу XX века Фрейд отказывается от двух главных исследовательских установок или парадигм, закрепившихся в психологии его эпохи под влиянием философии предшествующего столетия. Мы имеем в виду, во-первых, *интроспекционизм*, который непосредственно вырастает из картезианской и ассоциативной философии, трактуя психическое как доступную самонаблюдению умопостигаемую структуру и приняв за точку отсчета сознательное, мыслящее Я; и, во-вторых, *натурализм*, то есть естественнонаучный подход с его позитивистскими стандартами научности и постулированием некоей доступной для изучения «природы вещей», которая, как не таится, но неизбежно разоблачает себя, принуждаемая к тому пытливым исследователем, в процессе эксперимента или объективного наблюдения. Фрейд предложил взамен обеих крайних позиций *герменевтику*, что было обусловлено, в первую очередь, открытием основателем психоанализа символического смысла симптома.

В результате этого решающего поворота в психоаналитическом учении психотерапия в XX столетии оказалась тесно и неразрывно связанной не столько с естественнонаучными объяснительными моделями, как это имеет место в медицине, сколько с особой традицией интерпретации, специфической *герменевтической практикой*, начало которой и было положено трудами З.Фрейда. Фактически это привело к отделению психотерапии от традиционной медицины (по крайней мере, от той ее части, которая базируется исключительно или преимущественно на биологии), к становлению новой профессии и даже к появлению нового типа социальной связи: диада «аналитик – анализант» постепенно становится значимым элементом общественной жизни наряду с отношением «врач – пациент».

Величайшая и общепризнанная заслуга Фрейда состоит в том, что он смог увидеть, осмыслить и убедительно продемонстрировать «исцеляющую силу слова», или, если заменить этот классический логоцентрический конструкт более современной профессиональной (процессуальной) формулировкой, доказал *терапевтическое значение определенным образом организованной беседы*. Это вовсе не означает возврат от «прогрессивной» биохимии и фармакологии к древней магии заклинаний. Скорее, можно сказать, что отныне *язык/дискурс* признается *основным инструментом* психотерапии, ее орудием.

Подчеркивая свою приверженность естественнонаучному подходу, на чем Фрейд не устал настаивать, он, вместе с тем, по сути, заложил основы *психосемантики психотерапии*, дополнив в ее рамках биологию – семантическим анализом. Он убедительно показал, что индивидуальный опыт – это тайнопись, ожидающая расшифровки/декодирования, что бес-

сознательные процессы – инстинкты, желания, влечения – не напрямую воздействуют на нас, но опосредованно, через системы скрытых от разума значений. И, наконец, – что любой патологический симптом может рассматриваться не только как сбой нормального функционирования, но и как знак или смысловое образование, т.е. *семантический конструкт*.

Следует также отметить, что Фрейд раскрыл и роль *жизненной истории*, конструирующей субъекта и реконструируемой в ходе аналитического взаимодействия, выявил определяющее влияние ее ложных очевидностей и «белых пятен» на всю психическую судьбу того, кто выступает одновременно и автором и персонажем этой истории. Все это значительно обогатило практику психотерапии, расширило диапазон применяемых в ней способов описания, используемых при этом концептов, обернулось созданием особого повествовательного жанра, который обычно обозначается как *анализ клинического случая*.

Фрейд не только преобразовал и обогатил дискурсивную практику психотерапии, но также существенно изменил само понимание *субъекта* в современном гуманитарном знании. Пользуясь весьма популярным сегодня термином, можно сказать, что он одним из первых осуществил *деконструкцию западноевропейской модели индивидуального Я как автономного Субъекта*. Фрейд обратил, «перевернул» традиционные иерархии «разум/аффект», «сознание/бессознательное», «рациональное/иррациональное», «нормальное/патологическое», показав, что картезианское мыслящее Я, которое считалось незыблемым основанием, источником свободной и осмысленной активности, высшей инстанцией и регулятором всех действий и поступков человека, на деле вторично. Оно производно от бессознательного, служит своего рода «надстройкой» над этим мощным биологическим базисом. В своих трудах Фрейд сместил фокус рассмотрения и вместо поиска некоей конечной причины, цели, сущности, высшего смысла, которому Я могло бы всецело себя посвятить, открыл принципиально новое, еще *не исследованное семантическое поле*; именно здесь, утверждал он, могут быть обнаружены истинные знания о человеческой природе, те ее аспекты и факторы, которые, – хоть эта голая правда и неприемлема для нас, – определяют наше бытие.

Что же составляет это не изученное до Фрейда смысловое поле? Его составляет все, что мы привыкли считать бессмыслицей и нелепостью, казусом, сбоем привычного функционирования – оговорки, описки, всевозможные семантические «монстры» и несуразности, скабрзные остроты, ошибочные действия, самый разнообразный словесный мусор, рой случайностей. Иными словами то, чему не придется значения в нашей повседневности – да и, кажется, глупо наделять все эти повседневные

провалы смысла значимостью. Идеальные конструкции, с которыми связываются наши привычные представления о собственном предназначении, нравственности, свободе, долге, духовности, на этом фоне оказываются зыбкими и, в конечном счете, фальшивыми. Все это – лишь «химеры» самоутешения, призраки ложного сознания, тогда как самое важное, сущностное и витальное, что есть в нас, выражает себя в автоматизмах, слепых импульсах, диких страстях и «грязных» желаниях. Наконец, в психоанализе нормальное, здоровое перестает быть чем-то естественным и закономерным, основанием и эталоном/меркой, но определяется через патологическое – в норме скрыты, дремлют те психические тенденции, которые отчетливо обнаруживают себя во всевозможных аномалиях. *Норма* – это не проявленная патология, производная последней (вспомним, как Фрейд определял цель анализа: заменить невротическое страдание обычной и переносимой неудовлетворенностью), меж тем как патология – истинная законодательница душевной жизни.

Фрейд произвел деконструкцию присущего западной культуре дискурса субъектности, пребывая в нем, следуя его внутренней логике и играя «по заранее оговоренным правилам». Иными словами, логоцентрическая традиция была подорвана в работах Фрейда средствами и методами самого логоцентризма. А иначе и быть не могло, ведь, как уже отмечалось, большую часть своего жизненного пути Фрейд оставался верным наследником Просвещения.

Выдающимся достижением научной мысли Фрейда следует признать открытие «психической реальности», сотканной из бессознательных желаний, импульсов, фантазий, всегда ускользающей, призрачной и иллюзорной, как покрывало Майи, и при этом единственно значимой для конкретного человека, определяющей его судьбу. В этом контексте представляются ценными рассуждения Мераба Мамардашвили, приведенные в его лекции «О психоанализе» (*Мамардашвили*, 1994). Наряду с объектами физического мира, данными нам в «беспристрастности» внешнего наблюдения, а также явлениями осознанной душевной жизни, непосредственно данными в самонаблюдении, Фрейд открыл и сделал доступной для исследования особую группу феноменов – так называемые «третьи вещи» или явления третьего рода, как их условно обозначил М. Мамардашвили. Это все те же *lapsus linguae*, *lapsus calami*, то есть ошибки, описки, очитки, особые смысловые сгустки, «семантические монстры», словом, образования, которые наряду с поверхностным, внешним смыслом (или бессмыслицей) содержат другое, скрытое от самого субъекта, тайное, темное, нераспознаваемое значение. И это скрытое значение может быть извлечено посредством аналитической процедуры. Такие классические

установки познания, как абсолютизация внешнего наблюдения в естествознании и постулирование самодостоверности внутреннего опыта в интроспекционизме, благодаря Фрейду дополняются новой исследовательской позицией, что значительно расширяет общую познавательную перспективу в гуманитарных науках. Эта новая позиция предполагает *недоверие очевидному* и особую чуткость по отношению к тем сторонам и аспектам реальности, столкновения с которыми наше сознание всячески избегает ввиду имплицитно присущих ему, неискоренимых особенностей и ограничений. Когда некто нечто говорит или делает, то, за внешней очевидностью и осознанностью сказанного и сделанного, таится – или, точнее, говорится и совершается что-то еще, важное и не проявленное, требующее прояснения.

История второго этапа развития психоанализа показывает нам, как определенная система описаний и интерпретаций способствует существенным изменениям в культурной жизни, обеспечивая конструирование новых форм социальной реальности, как специфическая, частная языковая игра разрастается до масштабов самостоятельной и весьма влиятельной социальной практики.

Вторая психоаналитическая эпоха (приходящаяся на первую половину XX века) характеризуется не только революционными свершениями, но также четким определением допустимых «правил игры», известной догматизацией фрейдовского учения и закономерным диссидентством, отступничеством – появлением несогласных и нежелающих неукоснительно следовать авторитарно утвержденным принципам и догматическим постулатам. Любая языковая игра, вводя собственные строгие правила, порождает и ряд ограничений. В критической литературе неоднократно обсуждались жесткие ограничения психоаналитической языковой игры, осознание которых побудило многих, поначалу преданных, учеников и сторонников Фрейда размежеваться с классическим психоанализом, подвергнуть рефлексивному сомнению и пересмотру фрейдистскую догму.

Отметим некоторые из таких ограничений.

Пансексуализм – аксиоматическое провозглашение сексуальности главной, абсолютно доминирующей движущей силой индивидуального поведения и развития. Безоговорочное принятие данной аксиомы неизбежно приводит к игнорированию других факторов, побудительных сил и источников человеческой мотивации.

Игнорирование культурно-исторического контекста (или, пользуясь метафорой В.Н.Волошинова, «боязнь истории») (Волошинов, 1994). Присущая психоанализу и очаровывающая в нем «тяга к глубине», предполагающая беспристрастное узрение глубин, первопричин, первооснов, на деле

нередко оборачивается уходом от культурно-исторического контекста, нивелированием значимых социокультурных различий между людьми.

Механодетерминизм и тесно связанный с ним *ретроспективный взгляд на душевную жизнь*, обращенность психоанализа к прошлому субъекта. Если две вышеупомянутые «превратности метода» непосредственно проистекают из его идеологического основания, то эта, скорее, связана с его преимущественной направленностью, т.е. с заложенной в нем исследовательской установкой. Психоанализ, с одной стороны, рискует превратиться в бесконечный поиск первопричин, а, с другой, редуцирует, сводит всю временную перспективу душевной жизни к прошлому опыту. В результате создается эффект «обратной перспективы»: жизненные события оказываются для анализанта тем более значимыми, чем более они удалены от него во времени, чем дальше отодвинуты в глубь минувшего. При этом собственное настоящее и возможное или желаемое будущее словно исчезают из его поля зрения. Уже Анри Бергсон в «Опыте о непосредственных данных сознания» (1889) писал о неразрывной связи детерминизма и ретроспекции: мы можем выстраивать каузальные (причинно-следственные) цепочки, только оглядываясь назад (*Бергсон, 1991*). Такая «оглядка» (взгляд Орфея) равносильна утрате свободы воли и приводит к исчезновению активного, свободного субъекта, да и субъектности как таковой в психоаналитическом дискурсе.

Пансексуализм и механодетерминизм психоаналитического учения нередко подвергались критике под общей рубрикой *редукционизма*. Подразумевалось характерное для психоанализа сведение всего многообразия психической жизни к фиксированной (не пополняемой) группе факторов, базовых драйвов, первособытий и предпосылок, скрытых в глубинах прошлого опыта. Это позволило Юнгу определить подход Фрейда как редуцирующий и противопоставить ему собственный «синтетический» или «конструктивный» подход (*Юнг, 1994*).

Другой особенностью психоанализа, которая была отмечена и отрефлектирована М. Фуко, выступает неуклонная *семиотизация психологического дискурса* (*Фуко, 1006*), также приводящая к потере самостоятельного и активного Субъекта, к замене личности игрой бессознательных сил и системой скрытых от сознания значений. Правда, тенденция к семиотизации, согласно Фуко, в XX в. характеризует не только психоанализ – она, так или иначе, обнаруживается во всех науках о человеке, постепенно становясь отличительным признаком современного гуманитарного знания. Гуманистическую и экзистенциальную традиции можно рассматривать, как попытки вернуть в психологию субъекта – значимую в своей уникальности личность, наделенную свободой воли и ответственностью.

Психоанализ также подвергался критике в связи с его метатеоретическими притязаниями, приводящими к *отрицанию потенциальной множественности интерпретаций*. Несмотря на то, что сам Фрейд уже в «Толковании сновидений» писал о необходимости даже в случае максимально успешного анализа допускать возможность *иного объяснения* символики сновидений, в психоаналитическом дискурсе периодически проявляется нацеленность на единственно допустимую, *единственно верную интерпретацию*, в силу чего альтернативные трактовки остаются незамеченными или резко отвергаются.

Наконец, еще одна мишень критических нападок – это *монолизм* фрейдовского учения, предполагающего анализ одинокого и изолированного Я, в отрыве от его актуальных социальных, культурных и семейных связей. Данная особенность психоаналитического дискурса позволила Дж. Хилману назвать век психоанализа «столетием одиночества».

Немалую роль в расколе психоаналитического движения сыграла и авторитарность личности самого Фрейда, его стремление к абсолютному доминированию. Как мне представляется, суть возражений Юнга, Адлера, Бинсвангера и др. критиков фрейдовского учения заключалась не в том или не столько в том, чтобы опровергнуть конкретный научный тезис о «примате сексуальности», а в том, чтобы воспротивиться утверждению и навязыванию еще одной формы «власти-знания», воспрепятствовать еще одной претензии на интеллектуальное господство. Оппоненты Фрейда из числа его же последователей попытались оспорить определенные, слишком узкие «правила игры». Согласно этим правилам, которые должны были безоговорочно принять все, один из множества факторов абсолютизируется, провозглашается первостепенно значимым и доминирующим, одна из движущих сил душевной жизни выступает первоначалом и первопричиной, один из объяснительных принципов признается главенствующим. Именно за такой протест, который, конечно, может быть легко ассимилирован обсуждаемой языковой системой и приравнен к «типичным проявлениям» Эдипова комплекса, упомянутые персоны и оказались в опале. Однако сегодня очевидно, что господство «единственно верной интерпретации» непродуктивно и препятствует развитию соответствующей практики, особенно при том состоянии дел и умов, которое известно как «состояние постмодерна».

В контексте сказанного интересно исследовать трансформацию образа Фрейда и его учения по мере экспансии и институционализации психоанализа. В свете разных ипостасей этого харизматического, ставшего уже отчасти мифическим образа актуализируются разные дискуссионные темы, и само обсуждение поворотных моментов в развитии психоаналитического

движения строится по-разному. Можно условно выделить основные рубрики, под которые, так или иначе, подводятся современные дискуссии о психоаналитической теории. Вот некоторые из них: «Зигмунд Фрейд – первопроходец и Моисей психоанализа», «Фрейд и оппоненты: игра и столкновение научных альтернатив», «Фрейд, прочитанный заново и по-новому» и др. Трансформация образа Фрейда и отношения к нему – в разные периоды, в разных научных и культурных сообществах – могла бы составить тему отдельной исследовательской работы.

Третья, постмодернистская эпоха психоанализа характеризуется так называемым «недоверием к любым метанарративам и метатеориям» (к числу коих относится и психоанализ). Основными задачами на этом этапе, продолжающемся и в наши дни, выступают:

- ревизия психоаналитического наследия, отделение эвристических и продуктивных научных построений от привнесенных элементов мифологии, идеологических примесей, а также иррациональных убеждений;
- признание принципа множественности интерпретаций и интеграция в единое дискуссионное поле научных альтернатив классической теории, которые прежде игнорировались или подавлялись;
- деконструкция уже сложившегося «мифа анализа», вскрытие накопленных противоречий, критическое переосмысление фрейдовской доктрины, с целью открытия новых возможностей и перспектив.

Иными словами, психоанализ уже в середине прошлого столетия вступил в эпоху рефлексивной критики, ревизии и переформулирования его основоположений. Наличие и прохождение этого важнейшего этапа в истории психотерапии выступает необходимым условием последующего обновления аналитической теории и практики. Для психоанализа постмодерн – это и вызов, и искушение, и испытание, и, несомненно, возможность трансформации. Данную эпоху отличает *стремление преодолеть затворничество психоанализа*, его изолированность от других систем знания, присущую ему герметичность, «эзотерическую» замкнутость в кругу собственных теоретических конструкций, в плену богатейшего и, вместе с тем, ограниченного метаязыка. Преодоление такой искусственной изоляции означает прораивание множественных и сложных междисциплинарных связей, новое прочтение психоаналитических концепций в свете достижений и открытий, сделанных в русле как самого психоанализа, так и сопредельных гуманитарных дисциплин. Знаковыми фигурами, обозначающими начало этого плодотворного этапа, можно считать, например, Ж. Лакана, усилиями которого психоанализ был введен в более широкое поле идей структурализма, семиотики, лингвистики, философии языка, или П. Рикера, предложившего рассматривать пси-

хоанализ в качестве особого типа герменевтики в сравнении с другими интерпретационными традициями.

Еще одной важнейшей задачей постмодернистской эпохи следует признать *изучение современных форм социальной репрезентации психоанализа*, то есть характера его представленности в обыденном сознании¹. Это необходимо для более глубокого понимания исторически сложившейся психологии потенциального заказчика, клиента аналитической психотерапии, а также тех коллективных представлений, предрасположений и стереотипов, на основе которых осмысливается все происходящее в ходе аналитических сессий. Кроме того, в последние десятилетия предпринимаются попытки подвергнуть исследованию широкий спектр ранее не учтенных социокультурных факторов, определяющих, наряду с механизмом переноса-контрпереноса, динамику психоаналитического процесса. Сюда можно отнести, например, изучение культурных установок психотерапевта и анализанта, чему, в частности, посвящена монография юнгианца Дж. Хендерсона (*Хендерсон, 1997*).

Подводя итоги, можно охарактеризовать третий этап развития психоанализа, современниками и действующими лицами которого мы являемся, как «*эпоху разночтений*» – время многократного и плодотворного перечитывания, переинтерпретирования, переосмысления классического учения, которое, оставаясь основой всего древа современной гуманитарной психотерапии, тем не менее, уже более не воспринимается в качестве своеобразного метатеоретического монолита. Психоанализ на наших глазах превратился в обширное поле *деконструкции*.

Все отмеченные нами тенденции позволяют говорить о современном психоанализе не просто как о теории или научной школе, но как о многоплановом феномене западной культуры; его облик закономерно изменяется, не только согласно собственной внутренней логике развития, но и в контексте глобальных трансформаций знания, практики, различных сфер социального бытия.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергсон А.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Московский Клуб, 1992. С.111–160.
Волошинов В.Н. Фрейдизм. Критический очерк // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / Сост. и авт. вступ. ст. В.М.Лейбин. М.: Республика, 1994. С.269–346.

---

¹ Своеобразной вехой на пути социально-психологического исследования психоаналитической практики служит известная работа С. Московичи: *Moscovici S. La Psychanalyse, son image et son public*, P.U.F., Paris, 2e éd., 1976.

Лакан Ж. Ниспровержение Субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда // Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или Судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. С.148–183.

Мамардашвили М. О психоанализе. Лекция // Философско-литературный журнал. М.: Логос, 1994. № 5. С.123–140.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. – 207 с.

Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок. М.: Добросвет, 1997. – 219 с.

Юнг К.Г. О психологии бессознательного, «Синтетический, или конструктивный метод» // Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. С.123–134.

Moscovici S. La Psychanalyse, son image et son public, P.U.F. 2e éd. Paris, 1976.